

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

УДК 34.01

doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.161-176

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

И.А. Тарханов, Р.Р. Гайфутдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье изложено общее учение об одном из сложнейших конструктивных элементов состава преступления – субъективной стороне. Предложены правила установления формы вины, присущей конкретному виду преступления, при их отсутствии в уголовном законодательстве. В этом ключе анализу подвергнут значительный массив Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Описаны законодательные новеллы, например, поставлен вопрос о применимости положения ч. 2 ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации к новой конструкции состава преступления «Нарушение требований в области транспортной безопасности» (ст. 263¹). Сделаны выводы об отсутствии универсальности правила установления формы вины, предусмотренного ч. 2 ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, что естественным образом негативно сказывается на толковании закона и его правоприменении.

Ключевые слова: состав преступления, субъективная сторона состава преступления, субъективная сторона преступления, вина, мотив, цель, аффект, формы вины, установление формы вины

Преступление как разновидность человеческого поведения представляет собой определенную систему, в которой элементы внешние и внутренние, объективные и субъективные выступают в единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Объективная сторона преступления характеризует содеянное с его внешней стороны и представляет собой внешнюю форму выражения названного единства. Его внутреннюю составляющую именуют субъективной стороной, поскольку она представляет собой характеристику всей психической деятельности, которая «инициирует и сопровождает совершение преступления» [1, с. 311]. Таким образом, выделение в преступном акте его внешней (объективной) и внутренней (субъективной) сторон трудно назвать условным, так как каждая из них в своем содержании отражает относительно самостоятельные, хотя и взаимосвязанные элементы человеческого поведения. Их различие проявляется, в частности, в том, что

психическая деятельность субъекта *предваряет* внешний акт, непосредственно обуславливает (а в дальнейшем – сопровождает) совершение преступления. Иными словами, внутренняя и внешняя стороны преступного поведения по времени не одномоментны. Возникшие, но до времени не реализованные намерения лица, его помыслы выражают его антисоциальную установку, однако сами по себе неспособны изменить реалии человеческого бытия. По этой причине они не могут быть уголовно наказуемы. «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, – подчеркивал Карл Маркс, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» [2, с. 14].

При этом мотивы преступления, возникающие и существующие до его совершения, могут в определенных случаях иметь важное уголовно-правовое значение для последующей юридической оценки содеянного при квалификации преступления и избрании соответствующей меры уголовно-правового воздействия. Внешнее и внутреннее в совершённом преступлении органически связаны и выражены в едином акте, хотя, как отмечалось, «сдвинуты» во временном отношении. Мотивы, цели и возникающие на их основе намерения реализуются в преступном поведении. Это положение имеет методологическое значение и служит базой для установления психических процессов, которые проявляются в содеянном, влияют на выбор лицом способов и средств достижения итогов содеянного. Иными словами, внешнее является показателем внутреннего, источником познания субъективной стороны преступления. Ее реальное содержание составляет совокупность признаков, отражающих разные аспекты (моменты) психической деятельности субъекта.

В уголовном законодательстве нет определения субъективной стороны преступления. В ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) указывается, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». В связи с этим в теории уголовного права выдвигается тезис о тождественности понятий «субъективная сторона преступления» и «вина». При такой оценке мотив, цель и эмоции оказываются включенными в содержание вины [3, с. 41]. Эта научная позиция подвергается конструктивной критике как недостаточно убедительная «в теоретическом отношении и неприемлемая – в практическом» [4, с. 7–8]. С этим следует согласиться, поскольку она мало соответствует и действующему законодательству.

Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию виновность лица в совершенном преступлении, форма его вины и *мотивы*. В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должно содержаться указание на форму вины, *мотивы, цели* и последствия преступления (п. 1 ст. 307 УПК РФ). Следовательно, законодатель различает понятия вины, мотива и цели преступления, поэтому отождествление субъективной стороны преступления и вины не имеет под собой достаточной нормативной основы.

Наиболее распространенным в научных и учебных изданиях является представление о субъективной стороне преступления как о совокупности признаков,

характеризирующих внутреннюю (психическую) сторону деяния, которая включает в свое содержание вину, мотив и цель. «Под субъективной стороной преступления, – пишет А.И. Рарог, – в науке уголовного права понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления» [4, с. 6]. По мнению В.А. Якушина, «это внутреннее отношение лица к совершаемому, а не к совершенному им преступлению» [5, с. 99]. При этом вина рассматривается как необходимый, обязательный признак любого преступления. Ее содержание образуют интеллектуальный и волевой компоненты (моменты) любого преступления. Мотив и цель обычно признаются самостоятельными элементами субъективной стороны преступления. Специалисты полагают, что они, будучи факультативными признаками составов умышленных преступлений, отражают побудительную и содержательную части любой психической деятельности. «Содержанием мотива и цели, – отмечают Б.С. Волков и Б.В. Сидоров, – в значительной мере определяется морально-этическая оценка совершенных лицом действий» [1, с. 314].

В содержание субъективной стороны преступления некоторые ученые включают также эмоции (эмоциональное состояние). Эта позиция не всегда получает поддержку в теории уголовного права¹. Криминалисты полагают, что эмоции означают психические переживания, которые могут и чаще всего испытываются виновными до, во время или после совершения преступления. Однако реальное уголовно-правовое значение могут иметь эмоции, испытываемые именно в момент совершения преступления, поэтому в качестве таковых они включаются законодателем в содержание субъективной стороны отдельных видов умышленных преступлений. В сочетании с некоторыми другими признаками законодатель рассматривает состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) в качестве привилегированного признака субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 107, 113 УК РФ. Это обстоятельство делает допустимым включение эмоционального состояния в содержание субъективной стороны некоторых видов преступления, в которых оно рассматривается как элемент юридической конструкции, используемой в законодательной модели преступлений определенного вида.

В уголовно-правовой литературе, посвященной проблемам квалификации преступлений, предлагается различать понятия «субъективная сторона *преступления*» и «субъективная сторона *состава* преступления», хотя при этом правильно подчеркивается их тесная взаимосвязь. Разграничение названных уголовно-правовых феноменов необходимо в связи с выделением в уголовном праве таких категорий, как преступление и состав преступления, и требованием установления их соотношения между собой. В теории эта проблема считается дискуссионной, а научный поиск ее решения осуществляется по разным направлениям и параметрам. В рамках темы данной работы результаты такого творческого исследования представляют не только теоретический, но и практический интерес.

УК РФ содержит определение понятие преступления. В его признаках раскрывается социальная сущность и юридическая природа преступления *любого*

¹ По мнению А.И. Рарога, эмоции являются социальным признаком, характеризующим личность преступника (см. [4, с. 11]).

вида. С их помощью можно отграничить преступление от иных социально значимых поступков. Уголовный закон содержит и иные уголовно-правовые предписания, позволяющие, к примеру, отграничить преступление от социально одобряемых актов поведения (ст. 37–42 УК РФ) или малозначительных деяний (ч. 2 ст. 17 УК РФ). Следовательно, понятие преступления в сочетании с иными положениями уголовного закона может быть правовой основой для уголовно-правовой квалификации. Она понимается как юридическая оценка деяния с точки зрения уголовного закона². Однако на этом уровне невозможно разграничение разных *видов* преступлений.

Признаки определенного вида преступлений описаны законодателем с помощью юридической конструкции, других средств и приемов, а также методики юридической техники. Такая законодательная модель обычно именуется составом преступления.

В УК РФ вышеприведенное понятие не определяется и не раскрывается. В теории уголовного права под *составом* преступления нередко понимается совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих по уголовному закону общественно опасное деяние в *качестве преступления* [6, с. 32]. Если исходить из данного определения, то оказывается, что по своей функции понятие состава преступления равнозначно понятию преступления, хотя структурно и выражено иным образом. Различие между ними следует проводить по иным параметрам, включая специфику предназначения и структуру содержания.

В уголовно-правовой науке утверждается, что такие признаки преступления, как общественная опасность и запрещенность уголовным законом, составляют «два фундаментальных свойства преступления». При этом признак виновности иногда включается в содержание признака запрещенности такого деяния уголовным законом («уголовной противоправности»). На этой основе делается вывод, что «состав преступления соответствует уголовной противоправности как признаку преступления» [7, с. 79].

Такой подход примечателен тем, что признак общественной опасности деяния выводится за рамки состава преступления. Эта позиция не всегда поддерживается другими учеными [8, с. 53; 9, с. 180]. Состав преступления обретает таким образом некоторые черты отличия от понятия преступления: последнее представляет собой характеристику не только юридических, но и *социальных* свойств деяния. Состав преступления представляет собой уголовно-правовую (то есть собственно юридическую) конструкцию. Для него признак вины имеет самостоятельное значение. Он включен в субъективную сторону состава преступления.

Заметим, что и в понятии преступления этот признак выделен законодателем наряду с признаком запрещенности деяния уголовным законом («настоящим Кодексом»), что подтверждает его значимость во взаимосвязи с принципом вины (ст. 5 УК РФ). Если же считать признак запрещенности деяния уголовным законом тождественным уголовной противоправности, то включение вины в содержание последнего не соответствует действующему УК РФ. Следовательно,

² В уголовно-правовой доктрине справедливо разграничиваются понятия «квалификации преступления» и «уголовно-правовой квалификации». Последнее понятие рассматривается как родовое по отношению к первому. Более подробно по этому вопросу см. *Сабитов Р.А.* Теория и практика уголовно-правовой квалификации. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 590 с.

состав преступления как структурированный аналог понятия преступления имеет в своей основе такие его признаки, как виновность и запрещенность деяния уголовным законом. Они получают в составе преступления отражение в виде фрагментов объективной и субъективной стороны преступления.

В понятии преступления не выражено непосредственно указание на объект и субъекта преступления. Они важны для отграничения одного вида преступления от другого. Их описание излагается законодателем как в Общей (ст. 2, 4, 19, 20, 22, 23), так и в Особенной частях УК РФ (в наименовании разделов, глав, в содержании конкретных уголовно-правовых норм). В составе преступления они представлены как самостоятельные его элементы. Основанием уголовной ответственности является, согласно ст. 8 УК РФ, «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом»³. В этом качестве состав преступления является юридической основой для квалификации совершённого преступного деяния.

Для конструирования содержания субъективной стороны отдельных составов преступлений определенное методологическое значение имеет предложенное наукой уголовного права общее понятие состава преступления. Оно понимается иногда как «ядро учения о составе преступления и учения о преступлении», теоретическая основа познания конкретных составов преступлений [6, с. 34–35]. Считается, что для законодателя общее понятие состава преступления имеет значение юридической конструкции как одного из элементов законодательной техники.

«Под юридической конструкцией должны пониматься... не составы тех или иных преступлений, – пишет А.В. Иванчин, – а их общая модель, обобщенная структура». По мнению автора, вначале законодатель отбирает нужные элементы конструкции, а затем наполняет их юридически значимой информацией, превращая в законодательные признаки [7, с. 94–95].

Согласно этой концепции, субъективная сторона, выраженная в общем понятии состава преступления, включает в себя следующие признаки: вину, мотив, цель и эмоциональное состояние (переживание). При конструировании субъективной стороны *конкретного* состава преступления, с учетом свойств отдельного деяния, законодатель насыщает ее содержание определенными компонентами, формируя таким образом законодательную модель преступления определенного вида. Модель субъективной стороны конкретного состава преступления содержит обязательное указание (прямое или косвенное) на вину, ее форму как обязательный признак преступления любого вида, однако в ней может отсутствовать (по тем или иным причинам) информация о мотиве, цели преступления или эмоциональном состоянии субъекта. «В конкретном составе преступления, – подчеркивает Л.Д. Гаухман, – аккумулируются самые общие признаки, присущие данному виду преступления» [6, с. 34]. Именно эта юридическая информация имеет важное значение для квалификации преступления.

Знание реального содержания предписаний уголовного законодательства применительно к квалификации преступлений обеспечивается разъяснениями Пленумов Верховного Суда РФ, опубликованной им судебной практикой, а также доктринальным толкованием законодательных положений.

³ В доктрине отсутствует однозначное толкование этого уголовно-правового предписания.

Конструирование уголовно-правовых норм, включающих в том числе описание составов преступлений, связано с использованием законодателем определенного арсенала средств и приемов, а также правил, которые в совокупности составляют содержание законодательной техники [10, с. 17]. К их числу относят обычно само нормативное построение, юридические конструкции, терминологию, презумпцию и юридические фикции.

Для характеристики субъективной стороны преступления важное значение имеет *нормативное построение* УК РФ, учет распределения законодательного материала в Общей и Особенной его частях, их взаимосвязи. Деление уголовного закона на эти два больших фрагмента имеет давнюю традицию не только в России, но и за ее пределами. Однако необходимо знать, что выделение этих крупных структурных элементов носит искусственный характер, в совокупности они образуют цельное единство. Законодатель исходит из требования взаимодействия норм Общей и Особенной частей, их согласованности при характеристике отдельных уголовно-правовых институтов и в процессе правоприменительной деятельности. Этот факт имеет непосредственное отношение к законодательному изложению признаков субъективной стороны преступления.

Общая часть УК РФ чаще всего рассматривается в литературе как законодательная форма сосредоточения, обособления от Особенной части УК «исходных положений и предписаний уголовного права, имеющих значение для решения вопросов об ответственности независимо от вида совершенного преступления» [1, с. 116]. В этой связи представляется справедливым утверждение о том, что «в основе любого конкретного преступления лежат те положения, которые установлены Общей частью, – положения о понятии преступления, о субъекте, субъективной стороне и т. д.» [11, с. 21].

В Общей части УК РФ не дается определения субъективной стороны преступления и вины, хотя регламентации последней посвящена отдельная глава уголовного закона (Глава 5 «Вина»). Ее содержание включает в себя предписания о формах вины (ч. 1 ст. 24), раскрываются признаки отдельных ее видов (ст. 25, 26) и дается отграничение вины как обязательного признака любого преступления (в его взаимосвязи с принципом вины – ст. 5) от невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ). Данные положения являются основой для понимания вины и формулировки ее доктринального определения.

Как отмечалось ранее, в Общей части УК РФ вина подразделяется на две формы – умысел и неосторожность. В ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ излагаются интеллектуальные и волевые моменты прямого и косвенного умысла, хотя общего его понятия не дается. Аналогичным образом регламентируется неосторожная форма вины, которая подразделяется на легкомыслие и небрежность (ст. 26 УК РФ). Законодательное изложение содержания видов вины позволяет законодателю при конструировании конкретных составов преступлений в Особенной части УК РФ ограничиться указанием на форму (или вид) вины в прямой или косвенной их формулировке.

В нормах Общей части УК РФ предусмотрены некоторые правила установления формы вины в процессе применения уголовного закона⁴.

⁴ В литературе считается возможным установление в Общей части УК РФ общего правила, определяющего форму или вид вины применительно к тем или иным преступлениями (см. [7, с. 261]).

Так, в ч. 2 ст. 24 УК РФ установлено, что деяние, совершенное «только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». В доктрине это положение уголовного закона трактуется неоднозначно.

А.И. Рарог считал, что в первоначальной редакции упомянутое положение было «законодательным ограничением сферы уголовной ответственности за неосторожность» [3, с. 44]. Действительно, в редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ до принятия Федерального закона от 25 июня 1998 г. (92-ФЗ), то есть в первоначальной редакции, оно имело следующее звучание: «Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением *только* (курсив наш. – И.Т., Р.Г.) в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

В дальнейшем слово «только» было перенесено в начало предписания перед указанием на «неосторожность». По мнению автора этой поправки Н.Ф. Кузнецовой, «текст новации достаточно ясен: если в диспозиции норм названа вина в форме неосторожности, то квалифицировать по ней умышленное преступление нельзя» [12, с. 76]. Однако, по мнению других ученых, смысл модификации «не сразу становится понятным» даже после внимательного прочтения первой и второй редакции и их сравнения [7, с. 262]. Поэтому в литературе до сих пор существует мнение, что эта норма ограничивает *сферу* уголовной ответственности за неосторожность⁵.

Более правильным представляется подход, согласно которому в ч. 2 ст. 24 УК РФ (в ее действующей редакции) установлено *правило квалификации* преступления: при отсутствии в статье Особенной части УК указания на форму вины составом преступления охватывается вина как в форме умысла, так и по неосторожности [4, с. 44].

В теории уголовного права принято различать мотивы и цели социально-значимого поведения как неправомерного волевого акта и мотивы и цели в их уголовно-правовом понимании. Во втором их значении они характеризуют только умышленные преступления.

В Общей части УК РФ отдельные виды мотивов и целей преступной деятельности называются в качестве смягчающих (к примеру, «мотив сострадания» – п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ) либо отягчающих обстоятельств (см. п. «е», «е¹», «р» ст. 63 УК). В Особенной части УК некоторым из них придается значение конструктивных квалифицирующих признаков состава преступления, поэтому принципиальным является положением о том, что отягчающее обстоятельство, если оно предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК в качестве признака преступления, «само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания» (ч. 2 ст. 63 УК РФ).

Таким образом, Общая часть УК РФ предусматривает группу норм, имеющих непосредственное отношение к характеристике субъективной стороны преступления. При этом следует поддержать предложение тех ученых, которые считают возможным сформулировать в Общей части УК общие правила установления

⁵ См., например, *Лунеев В.В. Субъективное вменение*. – М.: Спарк, 2000. – С. 9.

вины в конкретных составах преступления и учитывать их при определении способов ее регламентации в Особенной части УК РФ [13, с. 35].

Формула субъективной стороны конкретных составов преступлений излагается в статьях *Особенной* части УК РФ. При их конструировании законодатель основывается на предписаниях *Общей* части УК РФ. Это позволяет ему, во-первых, избежать повторения некоторых общих положений, не перегружать ими содержание субъективной стороны соответствующих составов преступлений и, во-вторых, сосредоточить внимание на характеристике отдельных ее компонентов, которые определяют специфику данного вида посягательства. Следовательно, установление признаков субъективной стороны в содержании конкретных составов преступлений предполагает знание материала *Общей* части УК РФ и законодательной техники ее конструирования в нормах *Особенной* части этого УК.

Вина является конструктивным признаком субъективной стороны, поэтому получает обязательное отражение в законодательной модели преступления. С точки зрения судебно-следственной практики и иных адресатов уголовного закона наиболее приемлемыми для обозначения вины, а также ее формы являются перечисленные ниже языковые средства, в том числе терминологические. Терминами обозначаются определенные понятия, поэтому юриспруденция предъявляет к уголовно-правовому языку высокие требования: единство, общепризнанность, понятность и устойчивость. Обычно законодатель следует этим правилам.

В ряде статей *Особенной* части УК РФ содержится *прямое* указание на форму вины путем употребления терминов «умышленно» или «неосторожно» (ст. 105, 109, 111, 112, 115, 118, 127¹, 131, 132, 167, 168, 185², 185⁵, 216, 236, 243¹, 248 ч. 2 и др.).

В диспозиции статей *Особенной* части УК РФ указание на форму вины либо ее вид может быть выражено в иной – *опосредованной* (косвенной) – форме⁶. В литературе по юридической технике такой прием именуется стилистической фигурой *умолчания* [14, с. 80]. Его использование может быть связано с рядом обстоятельств.

Во-первых, законодатель, опираясь на системный характер связи между элементами и признаками состава преступления, посредством характеристики соответствующих признаков объективной стороны (описание самого деяния, способа и средств совершения преступления) фактически обозначает форму вины. К примеру, определение кражи как *тайного* хищения чужого имущества позволяет правоприменителю сделать вывод об умышленном характере этого деяния (ч. 1 ст. 158 УК РФ). Законодатель достаточно часто использует этот прием (см. ст. 110, 110¹, 120–122, 124, 126, 127¹⁻², 133, 135, 138, 212 и др.). Однако нельзя не согласиться с тем, что требуется весьма взвешенное и осторожное его использование, поскольку термины, обозначающие признаки деяния, могут допускать неоднозначное их толкование.

Во-вторых, отсутствие прямого указания на форму вины может связываться законодателем с допущением (применительно к данному составу преступления) альтернативы: совершение такого деяния возможно при любой форме вины.

⁶ В специальной литературе это именуется иногда приемом «косвенного указания на форму вины в составе» [7, с. 263].

«При других обстоятельствах, – подчеркивал М.И. Ковалев, – указание на форму вины обязательно» [15, с. 209].

Особенная часть УК РФ содержит описание большого числа составов преступлений, объективная сторона которых выражена путем указания на незаконный характер деятельности⁷. Специфика выявления их субъективной стороны и формы вины обусловлена конструкцией состава преступлений, необходимостью определения интеллектуальных и волевых моментов, а также отношения как к самому факту незаконности действий, так и к деянию в целом.

Значительная часть анализируемых составов преступлений сформулированы по типу формальных (см. ст. 123, 127, 128, 137, 138¹, 139, 142², 147, 149, 166, 171², 173¹, 173², 180, 183, 185⁶, 189, 200¹⁻², 200⁵, 204, 215⁴, 220, 222, 222¹, 223, 226¹, 228, 228¹, 229¹, 230², 231, 233, 234¹, 235, 242¹, 243² и др.).

В теории считается, что противозаконные действия являются предметом не только сознания, но и воли: намеренное их совершение означает умышленную форму вины. В некоторых составах в качестве квалифицирующего признака предусматривается причинение по неосторожности вреда здоровью потерпевшего или смерти (части вторые ст. 123, 128, 220, 235, 236, ч. 5 ст. 235⁴, п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ). Основной состав, изложенный в указанных статьях Особенной части УК, предусматривает умышленную форму вины, а квалифицированный – двойную форму вины.

Отдельные составы преступлений, где указывается на незаконный характер деяния, сформулированы по типу материальных (см. ст. 140, 147, 171, 171³, 172, 175, 185⁶). Некоторые из них наделены квалифицирующими признаками в виде их совершения в составе группы лиц, поэтому каждый из них предполагает наличие умышленной формы вины. В литературе считается, что в ст. 140, 171³ УК РФ предусматривается прямой умысел [16, с. 586, 799].

Указание нормотворца на незаконность действий лица предполагает знание субъектом соответствующих нормативных актов. «Презумпции как средство законодательной техники и применение их как прием, – пишет Л.Л. Кругликов, – присущи... и уголовному законодательству» [10, с. 20]. Осознание лицом незаконности своих действий представляет собой элемент осознания их общественной опасности. Этот признак составляет интеллектуальный момент умышленной формы вины.

Одним из показателей вины является указание законодателя на заведомость. Этот признак заключен в более чем 20 составах преступлений (ст. 122, 125, 128¹, 142¹, 170, 170¹, 170², 175, 176, 185, 191¹, 193¹, 197, 205³, 207, ч. 4 ст. 212, ст. 217², 273, 274¹, 299, 301, 305–307 УК РФ). Обычно наличие этого признака связывается с умышленной формой вины.

«Преступление является умышленным, – пишет А.И. Рарог, – если при его описании законодатель использовал признак заведомости, относящийся в формальном составе к действию или бездействию, а в материальном составе – к общественно опасному последствию» [4, с. 46]. В действующем УК РФ большинство рассматриваемых составов преступлений сформулированы по типу формальных,

⁷ В УК РСФСР 1960 г. количество таких составов не превышало двадцати (см. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 67). В действующем УК РФ их количество увеличилось более чем втрое.

где заведомость характеризует либо само деяние (например, ст. 122, 125, 200⁶, 207, 299, 301, 305, 306, 307 УК РФ), или относится к иным признакам объективной стороны состава (к сведениям, информации и др.). Некоторые из анализируемых составов сконструированы по типу материальных (ст. 107², 185, 196, 197, 217²), однако и в их содержании признак заведомости обращен к действиям или их последствиям, поэтому их следует рассматривать как умышленные.

Показателем вины в форме умысла является указание в статьях Особенной части УК РФ на мотив или цель преступления. Они могут быть конструктивными (см., соответственно, ст. 116, 153, 154, 170, 181, 199¹, 200, 207, 213, 215², 267¹, 273, 274¹ или ст. 141¹, 148, прим. 1 к ст. 158, ст. 172¹, 174¹⁻², 184, 185, 191¹, 199⁷, 205, 205¹, 205³, 206, 209, 210, 211, 238, 242¹, 245 УК РФ) или квалифицирующими. Такие деяния следует считать умышленными, а умысел – прямым.

Объективная сторона некоторых деяний формулируются в Особенной части УК РФ как *уклонение* (см. ст. 177, 185, 192–194, 198, 199, 199³⁻⁴, 243², 314¹, 315, 339 УК РФ). Использование законодателем данного термина означает их оценку как совершенных при умышленной форме вины.

Объективная сторона значительного числа составов преступлений излагается законодателем как *нарушение* определенных (специальных) *правил* (порядка, требований, режима). Это деяния против общественной безопасности и здоровья населения (ст. 212¹, 215–217, 217¹, 218, 219, 228², 243¹, 274 УК РФ), экологические преступления (ст. 246–249, 253, 255, 257, 262 УК РФ), преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263, 263¹, 264, 268, 269, 271, 271¹ УК РФ) и против военной службы (ст. 235, 240–244, 349–352 УК РФ).

В ст. 192, 193 предусмотрена уголовная ответственность за нарушение специальных правил и требований в сфере экономической деятельности, а в ст. 274 УК РФ – в сфере компьютерной информации.

УК РФ предусматривает около 40 основных составов этих преступлений. Некоторые из них сформулированы по типу формальных, поэтому предполагают умышленную форму вины. Во многих составах преступлений, описанных по типу материальных составов, указывается на причинение вреда по неосторожности. С учетом правила, предусмотренного ч. 2 ст. 24 УК РФ, такие преступления следует считать неосторожными.

Однако к некоторым составам преступлений это правило представляется неприменимым в полном объеме. Так, согласно ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК РФ, неисполнение лицом установленных этим законом требований считается преступлением, «если это *деяние* (курсив наш. – *И.Т., Р.Г.*) повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или причинение крупного ущерба».

Вначале подчеркнем, что ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК РФ предусматривают два *основных* состава преступления, отличающихся между собой признаками субъекта. Однако они схожи по характеру причиненных последствий, которые являются разнородными, описанными в законе как *альтернативные* признаки объективной стороны материального состава преступления. Такие составы именуются альтернативными, являющимися разновидностью сложных [17, с. 644].

Относительную трудность представляет проблема установления формы вины с учетом другого альтернативного признака этих составов преступлений – «причинение крупного ущерба». Определенность в ее решении связана по крайней

мере с двумя обстоятельствами, которые требуют учета. Во-первых, имеет ли отношение употребляемый в законе термин «по неосторожности» к признаку причинение крупного ущерба? Во-вторых, в ч. 3 и 4 ст. 263¹ УК РФ предусматривается повышенная ответственность за совершение деяний, «предусмотренных частями первой и второй настоящей статьи, ... группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». В комментариях к УК РФ эти признаки считаются, соответственно, квалифицирующими и особо квалифицирующими [16, с. 1188].

Толкование положений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК РФ, позволяет предположить, что термин «по неосторожности» имеет отношение *только* к причинению вреда здоровью человека, поскольку слово «причинение» употребляется законодателем дважды, то есть применительно и к признаку «причинение крупного ущерба» в том числе. Следовательно, неисполнение требований, предусмотренных законом в ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК РФ, причинившее крупный ущерб, не может рассматриваться как деяние, «совершенное только по неосторожности» (ч. 2 ст. 24 УК РФ). Иными словами, допускается совершение преступления как умышленно, так и по неосторожности. Если этот вывод считать обоснованным, то он применим к решению вопроса о *соучастии* в этом преступлении.

Известно, что соучастием в преступлении признается умышленное совместно участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой рассматривается как разновидность соучастия. В ряде статей УК РФ эти формы соучастия рассматриваются как квалифицирующие признаки соответствующих составов преступлений. Поэтому допустимо рассматривать их в качестве таковых и применительно к исследуемым видам преступлений.

Однако не исключен и совершенно иной вариант решения интересующей нас проблемы. В ч. 3 ст. 263¹ УК РФ говорится о деяниях, предусмотренных «частями первой и второй настоящей статьи». Известно, что понятие «деяние» законодатель использует для характеристики преступления в целом (см. ч. 1 ст. 14 УК РФ), либо оно может выражать признак объективной стороны состава преступления (то есть использоваться в более узком значении). Есть основание полагать, что в ч. 3 ст. 263¹ УК РФ, судя по тексту, смыслу и содержанию статьи 263¹ УК РФ, понятием «деяния» законодатель обозначает само *неисполнение требований* по обеспечению транспортной безопасности, то есть бездействие лица. При таком понимании совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой должно рассматриваться как *конструктивный признак* самостоятельного состава умышленного преступления. По своей конструкции он должен относиться к числу формальных составов преступлений.

Таким образом, толкование действующей редакции ст. 263¹ УК РФ допускает наличие в ее рамках по крайней мере двух основных составов преступлений, которые являются по конструкции материальными: 1) неисполнение предусмотренных законом требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью; 2) необеспечение

требований транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств лицом, ответственным за обеспечение транспортной безопасности, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Эти составы отличаются между собой по субъекту преступления и связанной с этим спецификой объективной стороны состава. Этим преступлениям свойственна неосторожная форма вины.

Законодатель *усложнил* конструкцию названных составов путем указания в объективной стороне на альтернативный признак, относящийся к последствию в виде крупного ущерба. Представляется, что психическое отношение к этой разновидности сложного состава преступления допускает как умышленную, так и неосторожную форму вины. Оба названных состава имеют квалифицированный и особо квалифицированный виды, включающие в себя предусмотренные законом признаки. Однако совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 263¹ УК РФ) и организованной группой (ч. 4 ст. 263¹ УК РФ) может иметь отношение только к умышленной разновидности этих преступлений.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 18 октября 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» подчеркивается, что «если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления» (ППВС). В п. 4 данного Постановления особо подчеркивается, что «преступления, предусмотренные частью 3 статьи 247 УК РФ, частью 2 ст. 248 УК РФ, частью 3 статьи 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности».

Таким образом, данная правовая позиция Верховного Суда РФ позволяет утвердиться в правиле: если в материальном составе преступлений, связанных с нарушением специальных правил, указание на неосторожный характер причинения вреда отсутствует, то такие преступления могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности. Этому выводу придерживаются и другие ученые [17, с. 619–623].

В Особенной части УК РФ указание на форму вины может быть осуществлено и иным образом: посредством терминов «знавшим» (ст. 121), «преднамеренное» (ст. 196), «вопреки законным интересам» (ст. 201, 201¹, 202), «достоверное известным» (ст. 205⁶), «самовольное» (ст. 255, 330) и др. Установление действительного значения вины в сочетании с другими признаками состава преступления позволит определить ее конкретную форму.

Одним из приемов законодательной техники считается формулировка в Особенной части УК РФ примечаний к ее статьям. С точки зрения характеристики субъективной стороны преступления представляет интерес прим. 1 к ст. 158 УК РФ, где раскрывается понятие хищения. Есть определенные основания рассматривать его как родовое по отношению к большинству предусмотренных законом видов хищений: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются

совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу имущества». Из вышесказанного следует, что любой вид хищения – это умышленное преступление, причем указание в законе на корыстную цель означает, что умысел – прямой. В законодательном изложении этот признак субъективной стороны (корыстная цель) включает в себе сочетание мотивации и целеполагания. Подобный прием представляется не совсем удачным [4, с. 194; 17, с. 266].

Таким образом, все представленные нами положения в основном определяют правила установления формы вины в конкретных видах преступлений. Такое разнообразие в описании субъективной стороны составов преступлений справедливо делает его одним из сложнейших институтов уголовного права не только для его правоприменения (установления в деянии), но и для толкования.

Источники

- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 7 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. 5 мая 2020 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
- 92-ФЗ – Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (с изм. и дополн.) // СЗ РФ. – 1998. – № 26. – Ст. 3012.
- ППВС – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 18 окт. 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Рос. газ. – 2012. – № 251.

Литература

1. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. – 864 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1: [1839 – 1844 гг.]. – 696 с.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
4. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М.: Профобразование, 2001. – 134 с.
5. Якушин В.А. Квалификация преступлений. Общие вопросы. Курс лекций. – Тольятти: ВУиТ, 2016. – 188 с.
6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. – 457 с.
7. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2014. – 352 с.
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юристъ, 2007. – 302 с.

9. Курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / [Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е. и др.]. – 611 с.
10. *Кругликов Л.Л.* О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1999. – С. 13–22.
11. *Лопашенко Н.А.* Введение в уголовное право. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 213 с.
12. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 336 с.
13. *Фролов Е.А.* Стабильность закона и соотношение формально определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии. – Свердловск: [б. и.], 1973. – С. 33–47.
14. *Кострова М.Б.* Перспективные направления совершенствования языка уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2004 г. – М.: МГЮА, 2004. – С. 78–83.
15. *Ковалев М.И.* Советское уголовное право: Курс лекций Вып. 2: Советский уголовный закон. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – 226 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 1536 с.
17. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова. – М.: Проспект, 2020. – 992 с.

Поступила в редакцию
06.02.2020

Тарханов Ильдар Абдулхакович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель юридического факультета

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: itarhanov@mail.ru

Гайфутдинов Рамиль Рустамович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: rargajfudinov@kpfu.ru

doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.161-176

The Subjective Scope of Crime and Its Signs in Criminal LawI.A. Tarkhanov^{*}, R.R. Gayfutdinov^{**}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}itarhanov@mail.ru, ^{**}rargajfutdinov@kpfu.ru

Received February 6, 2020

Abstract

A general doctrine of the subjective scope of crime, the most difficult one for perception, was discussed. The rules were proposed for deciding on the form of guilt inherent in a particular type of crime if no such regulations can be found in the current criminal law. For this purpose, the special part of the Criminal Code of the Russian Federation was analyzed. Particular attention was paid to legislative innovations – for example, to the applicability of Pt. 2 of Art. 24 of the Criminal Code of the Russian Federation (with analysis, including the retrospective one), as well as to the new concept of elements of crime in “Violation of the requirements in the field of transport safety” (Art. 2631). It was concluded that no single rule can be found for defining the form of guilt as provided by Pt. 2 of Art. 24 of the Criminal Code of the Russian Federation, which negatively affects both interpretation of the law and its legal application.

Keywords: elements of crime, subjective scope of elements of crime, subjective scope of crime, guilt, motive of crime, purpose, affect, form of guilt, establishing guilt

References

1. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Sundurov F.R., Tarkhanov I.A. (Eds.). Moscow, Statut, 2016. 864 p. (In Russian)
2. Marx K. *Sochineniya* [Essays]. Vol. 1: [1839 – 1844]. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 696 p. (In Russian)
3. Dageľ P.S., Kotov D.P. *Sub'ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie* [Mental Elements of Crime and Their Identification]. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1974. 243 p. (In Russian)
4. Rarog A.I. *Sub'ektivnaya storona i kvalifikatsiya prestuplenii* [Mental Elements and Classification of Crimes]. Moscow, Profobrazovanie, 2001. 134 p. (In Russian)
5. Yakushin V.A. *Kvalifikatsiya prestuplenii. Obshchie voprosy. Kurs leksii* [Classification of Crimes. General Problems. A Course of Lectures]. Tolyatti, VuiT, 2016. 188 p. (In Russian)
6. Gaukhman L.D. *Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika* [Classification of Crimes: Law, Theory, and Practice]. Moscow, Tsentr YurInfoR, 2005. 457 p. (In Russian)
7. Ivanchin A.V. *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika* [Definition of Crime Elements: Theory and Practice]. Moscow, Prospekt, 2014. 352 p. (In Russian)
8. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General Theory of Crime Classification]. Moscow, Yurist", 2007. 302 p. (In Russian)
9. *Kurs ugolovnogo prava* [A Course of Criminal Law. The Study of Crime]. Vol. 1: General part. The Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (Eds.). Moscow, Zertsalo-M, 2002. 611 p. (In Russian)
10. Kruglikov L.L. On legislative techniques in criminal law. In: *Problemy teorii ugolovnogo prava. Izbrannye stat'i (1982–1999 gg.)* [Problems of Criminal Law Theory. Selected Articles (1982–1999)]. Yaroslavl, Izd. YarGU, 1999, pp. 13–22. (In Russian)
11. Lopashenko N.A. *Vvedenie v ugolovnoe pravo* [Introduction to Criminal Law]. Moscow, Wolters Kluwer, 2019. 213 p. (In Russian)

12. Kuznetsova N.F. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii: Lektsii po spetskursu "Osnovy kvalifikatsii prestuplenii"* [Problems of Crime Classification: Lectures on the Special Course "Fundamentals of Crime Classification"]. Kudryavtsev V.N. (Ed.). Moscow, Gorodets, 2007. 336 p. (In Russian)
13. Frolov E.A. The stability of law and the ratio of formally defined and value concepts in criminal law. In: *Problemy sovetskogo ugolovnogo prava i kriminologii* [Problems of Soviet Criminal Law and Criminology]. Sverdlovsk, [b.i.], 1973, pp. 33–47. (In Russian)
14. Kostrova M.B. Promising areas in the development of criminal law language. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 29–30 yanv. 2004 g.* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf., Jan. 29–30, 2004]. Moscow, MGYuA, 2004, pp. 78–83. (In Russian)
15. Kovalev M.I. *Sovetskoe ugolovnoe pravo: Kurs lektsii* [Soviet Criminal Law: A Course of Lectures]. Issue 2: Soviet criminal law. Sverdlovsk, Izd. Sverdl. Yurid. Inst., 1974. 226 p. (In Russian)
16. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii)* [The Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (Annotated)]. Chuchaev A.I. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2019. 1536 p. (In Russian)
17. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. Sundurov F.R., Talan M.V., Tarkhanov I.A. (Eds.). Moscow, Prospekt, 2020. 992 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 161–176. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.161-176. ⟩

⟨ **For citation:** Tarkhanov I.A., Gayfutdinov R.R. The subjective scope of crime and its signs in criminal law. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 2, pp. 161–176. doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.161-176. (In Russian) ⟩